

Уриэль знал, что никогда не сможет забыть путешествие через этот сводчатый проход. До него доносился легкий шепот голосов на пределе слышимости, он не мог избавиться от навязчивого ощущения, что за ним следит каждый квадратный сантиметр стены. Слова, если это можно было воспринимать как речь, были неразборчивы, но на каком-то подсознательном уровне Уриэль понимал их смысл, и в этом не было ничего хорошего.

...бесчестие, позор, провал...

Ультрамарин с трудом терпел это. Конечно, ему приходилось видеть куда более страшные вещи во время путешествия в мавзолей Несущего Ночь, но все же...

Казалось, они никогда не выйдут из темноты. Уриэль вскоре потерял счет времени и не мог сказать, сколько они идут по этому проклятому туннелю.

...это никогда не закончится, тьма будет вечной...

— Император, это когда-нибудь закончится? — без конца спрашивал Ваанес, шагая по нескончаемому коридору.

— Я понимаю твою озабоченность, — сказал Уриэль успокаивающе. — Мне кажется, что мы идем не по обычной тропинке. Здесь нельзя ничему доверять, даже своим чувствам восприятия.

— А как мы тогда найдем то, что ищем?

...вы не найдете...

— Будем просто верить, что Император укажет нам путь, — сдерживая закипающую злость, сказал Уриэль.

Ваанес покачал головой и раздраженно заметил:

— Я знал, что мне не надо было вмешиваться в эту операцию. Она была обречена с самого начала.

...да, это провал, вы найдете здесь только свою смерть...

— А зачем тогда ты пошел? — огрызнулся Уриэль, поворачиваясь к бывшему Ворону.

Терпение обоих было на пределе.

...он тебя ненавидит и предаст в конце концов...

— Черт, если б я только мог вспомнить! — рявкнул Ваанес, приблизив свое лицо чуть ли не вплотную к лицу Уриэля. — Возможно, я надеялся, что ты хоть чуть-чуть поработал мозгами, прежде чем соваться сюда. И уж тем более надеялся, что ты имеешь представление о том, что мы ищем!

...не знает, скоро он увидит твою кончину...

— Черт, Ваанес! Почему ты все время под меня копаешь? — злобно сказал Уриэль, чувствуя, как мягкий шепот неведомого существа все отчетливее звучит в его ушах и перерастает в противный смех. — Я уже устал слушать про то, насколько дурацкое дело я затеял. Может быть, это и так, но мы Космодесантники, и наша святая обязанность — сражаться с врагами Императора где бы то ни было.

...больше нет. Да бросьте вы все это, вы ничего не стоите...

— Ты что, не понимаешь? Мы уже не Космодесантники! — выкрикнул Ваанес. — Больше нет! Мы отбросы! Наши Ордена использовали нас, а потом выкинули на свалку. Мы уже не принадлежим ни Императору, ни кому бы то ни было еще. А лично меня уже тошнит от твоих ханжеских изречений.

...да убей ты его, кто он такой, собственно говоря...

Уриэль тряхнул головой, когда Ваанес вдруг ударил его по наплечнику латной перчаткой:

— Где герб твоего Ордена, Вентрис? Я его что-то не вижу! Может, кто-нибудь другой его заметил?

— Что случилось с тобой, Ваанес? — спросил Уриэль, со злостью сбрасывая руку боевого товарища с плеча и хватаясь за эфес. — Что тебе нейдет, и зачем ты говоришь такие вещи?

...потому что у него нет чести, и заслуживает он только смерти...

— Потому что я позволял загонять себя в такие ситуации, как эта, слишком часто, — прошепел Ваанес. — И клялся, что больше никогда не шагну слепо навстречу своей смерти. Черт, кажется, я снова позволил обвести себя вокруг пальца, доверившись такому ничтожеству, как ты!

Уриэль выхватил меч, вскипев, когда неразборчивый шепот донес слова, которые дошли до него, дошли до его сердца, дошли до его разума, дошли до его души:

...еще, говори еще, выпусти все свои страхи, сомнения и разочарования...

Голоса проникли в его мозг, и язык вдруг попытался повторять их слова, не слушаясь хозяина. Уриэль зажал уши, как будто это могло разогнать густой туман горечи, злобы и зависти.

Голоса гудели в голове, становились все громче, и теперь их происхождение не оставляло сомнений. Споткнувшись, капитан попытался сохранить равновесие, опершись руками о стену, но все равно упал на колени.

— Вон! Убирайтесь вон! Вон из моей головы! — истошно закричал он.

...ты, ты ничего не стоишь, ты ничего не значишь, тебя никто не помнит...

— Уриэль? Ты в порядке? Что происходит? — обеспокоенно спросил Пазаниус, подбегая к коленопреклоненному Ультрамарину. Ваанес отошел от Уриэля, мотая головой и сражаясь с сильнейшим приступом боли в висках.

— Черт возьми, что происходит? — вскричал он, пытаясь перекрыть своим голосом многотысячный хор в голове, который, казалось, еще и отражался эхом от стен туннеля.

...убей себя, и ты попадешь в такой дружелюбный мир... это один-единственный путь...

— Не слушайте их! — заорал Уриэль. — Заставьте их заткнуться!

Космодесантники остро ощутили свое бессилие против безумных голосов. Они бросали оружие, когда желание, убить себя вдруг становилось почти непреодолимым. Вдруг прозвучал выстрел, и один из воинов отряда, Орел Судьбы, упал плашмя. Его череп превратился в кровавую чашу, из которой вытекали мозг и кровь...

Уриэль отбросил подальше свое оружие, когда понял, что мускулы руки подчиняются не ему, а голосам.

...это безнадежно, нет смысла бороться, ничто не может противостоять мощи Хаоса...

Он плотно сжал веки, произнося слова литании Ненависти точно так, как читал их капеллан Клозель во время проповеди. Следом Уриэль вспомнил катехизис Отвращения и обряд Отрицания, которым его научили во время службы в Ордо Ксенос.

..это бесполезно — пытаться противиться неизбежному. Присоединяйся к нам! Сдавайся и убей себя...

Капитан из всех душевных сил боролся с желанием сдаться и покончить со всеми горестями разом. Он стал вспоминать славу прошлых дней, когда его деяния действительно что-то значили. Он возвращался мыслями туда, где поражение могущественных врагов привело к чему-то значимому. Перед его глазами один за другим замелькали кадры: вот великая победа на Тарсис Ультра, вот поверженный Казимир де Валтос, вот захват альфа-псайкера на Эпсилон Регалис... С каждым таким воспоминанием голоса слабели и сходили на нет, а отчаяние уступало место ощущению своей значимости, полезности и целеустремленности.

Ультрамарин с трудом поднялся на ноги и вдруг увидел, что Пазаниус достал осколочную гранату и собирается выдернуть чеку.

— Нет! — крикнул Уриэль, выбивая гранату из рук сержанта.

Пазаниус поднялся в полный рост, его лицо пылало гневом, а из глаз струились слезы ненависти к самому себе.

— Почему? — крикнул он. — Почему ты не даешь мне спокойно умереть?! Я заслуживаю только смерти.

...так оно и есть. Дай ему умереть, ведь ты ненавидишь его всем сердцем...

— Нет! — задыхаясь, сказал Уриэль, которому тяжело давалась борьба с голосами. — Не сдавайся!

— Я не могу! — взвыл Пазаниус, поднимая свою серебряную руку к глазам. — Разве ты не понимаешь? Мне необходимо умереть.

Уриэль схватил друга за плечи, и в этот момент прозвучал новый выстрел, умноженный эхом. Еще один воин не выдержал, поддался уговорам дьявольских голосов и пустил себе пулю в лоб.

— Вспомни, как у тебя появилась эта рука! — кричал Уриэль. — Ты спасал мир Павониса. Ты встретился с Несущим Ночь и не побоялся противостоять ему. Ты герой, Пазаниус! Вы тут все герои, слышите, это ко всем относится! Вы величайшие воины Вселенной! Вы сильнее, отважнее, изобретательнее, чем любой другой смертный!

[illegible]

Уриэль выпустил Пазаниуса и стал перебегать от воина к воину, выкрикивая то, что могло спасти их.

— Не забывайте, кто вы есть! — орал он, срывая глотку и стараясь перекрыть шепот голосов. — Вы — Космодесантники, воины Императора, вы сражаетесь с темными силами, где бы с ними

ни столкнулись. Вы сильные, гордые! Вы воины, наконец! Вы веками сражались с подлыми врагами. Веками честь была для вас главной ценностью. Так не позволяйте никому ставить под сомнение смысл вашей жизни!

Уриэль выхватил энергетический меч и нажал руну активации — лезвие вспыхнуло чистым синим огнем.

— Гибель каждого врага от ваших рук что-то значит в этом мире! — кричал капитан, и каждое его слово не единожды отражалось эхом от стен тоннеля. — Мы многое можем! Вспомните любую битву, в которой сражались, любого побежденного врага. Они делали все, чтобы разрушить то, что нам дорого. Вспомните их всех, мысленно плюньте в их отвратительные рожи, и голоса потеряют над вами власть!

Под ярко светящимся лезвием меча узоры на стенах перестали мельтешить и стали блекнуть, пока не исчезли совсем с каменных поверхностей. Раздались новые звуки, которые окончательно заглушили ненавистные голоса: это был боевой клич отряда, полный гордости за победы воинов Императора.

Взятие Коринфа, Железная Клетка, остров Феникса, освобождение Вогена, Армагеддон, падение Шарендуса, Элегган Салиент, битва за Макрэйдж и сотни других боевых побед восстали против искушающих голосов. По мере того как боевой клич подхватывали бойцы, безумие отступало.

Уриэль почти физически ощущал триумф. Тьма отступала, и лживые голоса теряли власть над отрядом, а вскоре неподалеку замерцал свет. Выход. Безжизненный свет Медренгарда наполнил тоннель, и, несмотря на то, что он обещал только смерть и пустоту, воины были рады ему.

— Сюда! — крикнул капитан, поднимая свой болтер и бросаясь к выходу.

Все оставшиеся в живых быстро подобрали свое оружие и последовали за командиром, стараясь побыстрее убраться из этого проклятого, пораженного безумием места.

Только выйдя из тоннеля, Уриэль пришел в себя и внимательно огляделся вокруг. Оказывается, они перебрались всего лишь на другую сторону крепостной стены. Железный Воин с блистающим энергетическим кнутом назвал это место Халан-Гол, и капитан, оглянувшись на жуткий тоннель, задался вопросом, кто же назвал так этот замок, или он сам взял себе такое имя? Могучая злоба пропитывала воздух, и отголоски древних чар прятались в каждом камне.

Многие Космодесантники, полковник Леонид и сержант Эллард все еще не пришли в себя: их колотило, они мотали головами из стороны в сторону, будто пытаясь вытряхнуть из них то, что туда привнес мрак. Весь отряд собрался на ступенях длинной, продуваемой всеми ветрами лестницы, сложенной из черного камня. Отсюда было прекрасно видно бойню под стенами крепости.

Вздымающиеся башни, фабрики и заводы, темные своды крытых аркад со статуями и редуты с вышками. Черные кровли зданий имели такую конфигурацию, словно их проектировал окончательно свихнувшийся архитектор. Смотреть на эти изломанные линии было невозможно: чувства восприятия приходили в смятение. Вдоль внутренних дорог крепости стояли виселицы с раскачивающимися на ветру трупами. Бледный свет мертвого неба освещал все это мрачное величие, кое-где были видны оранжевые отблески факелов. Реки жидкого металла величаво несли свои волны по открытым базальтовым каналам, а жар, поднимающийся от них, превращал воздух в неверное мерцающее марево, искажающее и без того безумные очертания предметов.

Из пастей горгулий вырывались облака пара. Кривые трубы из черного камня вздымались над гигантским заводом, изрыгая столбы удушающего дыма. Серые силуэты сновали по кошмарным улицам подобно призракам. В центре крепости горделиво возвышалась одинокая башня невероятных размеров.

Она пронзала облака, и вихрь разрушительной, смертельной энергии закручивался вокруг нее. Тысячи амбразур арочной формы испещряли стены башни, а ее основания не было видно за извергающими огонь кузницами, что стояли буквально одна на другой. Уриэль догадывался, что хозяина этого ужасного места, скорее всего, следует искать именно в центральной башне.

Стаи летучих монстров кружили над крепостью, их хриплые крики тонули в грохоте и лязге кузниц.

Космодесантникам казалось, что они прошли много километров по вероломному коридору, но звуки жестокого сражения раздавались совсем близко, как будто воины всего лишь закрыли за собой дверь в стене, оградившей их от резни.

— Как это может быть? — спросил Ваанес, угадывая мысли Уриэля.

— Я не знаю, — ответил тот. — Мы не можем доверять нашему восприятию в этом лживом месте.

— Уриэль, послушай, я хотел бы объясниться по поводу всех тех вещей, что я наговорил тебе...

— Забудь, эти чертовы голоса непонятным образом внедрили в наше сознание и заставили нас думать и даже произносить такие страшные вещи.

Ваанес кивнул:

— А кто они? Демоны? Привидения?

— Не знаю, но в любом случае мы победили их, Ваанес.

— Ты победил их. Именно ты вовремя понял, что происходит, что они пытаются с нами сделать. Я почти сдался.... Я был готов сдаться.

— Но у тебя хватило силы воли, чтобы справиться с ними, — сказал Уриэль. — У тебя железная воля, я просто напомнил тебе об этом.

— Возможно, — признался Ваанес. — Но я слаб, Вентрис. Я не Космодесантник Императора уже много десятилетий, а теперь... теперь я сомневаюсь, что у меня хватит сил вновь им стать.

— Я уверен, что ты ошибаешься, — отрезал Уриэль, кладя руку на плечо Ваанеса. — У тебя есть сердце, и в нем живут честь и отвага, Ваанес. Ты просто забыл, кто ты на самом деле.

Ваанес коротко кивнул, и Уриэлю оставалось только надеяться, что его слова дошли до души бывшего Ворона. Это проклятое место заставит каждого показать все лучшее и все худшее, что таится в его сердце. И попытается воспользоваться малейшим изъяном.

Капитан поймал взгляд Пазаниуса, но его друг тут же отвернулся.

— Пазаниус, — спросил Уриэль, — ты готов идти?

Сержант кивнул:

— Да, никому, не известно, кто или что овладело нашим разумом в этом проклятом туннеле, так что чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

— Ты в порядке, мой друг? — попытался продолжить разговор Уриэль.

— Да, конечно, — отрезал Пазаниус, не глядя на него и направляясь к продуваемой всеми ветрами лестнице с гладкими черными ступенями.

При спуске им потребовались максимальная собранность и осторожность, иначе можно было поскользнуться и поссорачивать шеи.

Пазаниус начал спускаться первым, а Космодесантники и два гвардейца шли за ним след в след. Заводы крепости извергали пламя и дым. Грохот пневматических молотов размером с танк отдавался эхом от закопченных стен беззаконных зданий. И над всем этим нависала свинцовым исполином колоссальная башня, навевающая неизбывную тоску одним только своим видом.

Едва Космодесантники проникли в крепость, Уриэль обратил внимание на странных существ, излучающих свет. Они величаво шествовали на золотых ходулях, с помощью которых спасались от янтарного жара.

Огромные машины, очень похожие на погрузчик, угнанный Космодесантниками, громыхали по широким улицам. Они были выкрашены в красный цвет и несли на себе развевающиеся флаги с восьмиконечными знаками Хаоса. Кровь стекала с бортов этих страшных кораблей смерти, сливалась в вязкие красные потоки, струящиеся по улицам, оторванные конечности вываливались из переполненных кузовов. По размерам и очертаниям трупов было видно, что это останки Железных Воинов.

— Куда они их везут? — спросил Леонид.

— Наверное, на похороны, — предположил Уриэль.

— Я не думаю, что Железные Воины сильно заботятся о погребальных обрядах и чествовании павших.

— Я тоже, но зачем же еще тащить тела обратно в крепость?

— Что-то мне подсказывает, что скоро мы это выясним, — мрачно сказал Ваанес.

— Если это не связано с нашей миссией, то вряд ли, — ответил Уриэль, продолжая спуск по ступеням, ведущим в крепость.

Каменная лестница отражала свет пурпурных облаков, что нависали над железной башней. Капитан размышлял, что же за тайны хранятся в ее темных глубинах. Лестница змейкой вилась вниз по склону горы, расширяясь до тех пор, пока не превратилась в систему террас, уставленных эшафотами и пыточными машинами.

Уриэль старался не обращать внимания на конструкции, созданные явно больным воображением, а во все глаза смотрел на темный массив зданий, рассеченный широкими, продуваемыми ветром проспектами, ведущими к башне в центре.

— Пошли, — сказал капитан скорее самому себе, нежели остальным.

Он привел болтер в боевую готовность и зашагал к башне, Космодесантники и гвардейцы последовали за ним в привычном боевом порядке, позволяющем максимально защитить периметр. Леонид и Эллард шли в центре маленького каре, посматривая вверх и готовясь защитить отряд при атаке с воздуха.

Когда Космодесантники вошли в мир теней Халан-Гола, их объял губительный холод, как будто они погрузились в черные воды подземного озера, поверхности которого никогда не касался солнечный свет. Уриэль содрогнулся, потому что он кожей ощутил взгляды тысяч глаз на себе, хотя не видел никого и ничего вокруг.

— Где все те люди, которых мы видели сверху? — спросил Ваанес.

— Меня это тоже интересует, — добавил Пазаниус. — Место это выглядит довольно обжитым.

— Полагаю, что они прячутся от нас, — ответил Эллард, с тревогой осматривая окрестности и улавливая мимолетные движения там, где тень была особенно густой. — Это место создано для того, чтобы ставить в тупик, вводить в заблуждение иллюзиями и вероломными видениями. Не забывайте ни на минуту о том, что произошло с нами в туннеле.

Улицы и узкие переулки Халан-Гола поворачивали, пересекались под неожиданными углами, заканчивались тупиками, и очень скоро Уриэль уже не мог с уверенностью сказать, куда они направляются. Он всей душой сожалел о разбитом шлеме. Впрочем, вряд ли встроенная навигация могла здесь помочь. Он потерял из виду железную башню, вступив в лабиринт извилистых улиц, и ему не оставалось ничего, кроме как положиться на свое чувство направления.

Долговязые тени плясали и прыгали на черных стенах, как будто передразнивая движения бойцов. Темнота сгустилась вокруг отряда, и Уриэль вдруг неожиданно для себя понял, как радуют его редкие просветы мертвого неба. Он по-прежнему чувствовал губительную энергетику черного солнца, но старался не смотреть на него, поскольку подсознательно чувствовал, какую огромную опасность таит оно в своих черных глубинах.

Неожиданно послышался мелодичный детский смех, радостный и звонкий, как колокольчик. Уриэль оглянулся на своих бойцов и увидел, что они недоуменно вертят головами в поисках источника этих звуков. Они напоминали радостные крики летучих монстров, когда они обретали свою смерть. Капитан задумался: а не обитают ли где-то рядом похожие существа?

Казалось, прошло уже много часов, потерянные и вконец запутавшиеся в темном городе Космодесантники никак не могли выбрать направление. Железная башня пропала в клубах черного дыма за неясно обрисованными силуэтами здания без окон и тенями, отбрасываемыми черным солнцем по непонятным законам этого мира.

Наконец Уриэль объявил привал, присел сам и устало провел рукой по потной голове. В переплетении улиц этого города не было ни системы, ни логики — если эти улицы вообще существовали. То, что воины шли по одному переулку, никуда не сворачивая, совсем не означало, что они не окажутся на том же самом месте через некоторое время. А если бы они захотели вернуться назад, то не было никаких гарантий, что они попадут туда, откуда отправились.

Необъяснимая сила на каждом повороте отправляла их в неверном направлении, и Уриэль совершенно не представлял, что делать дальше. Он прислонился спиной к стене и положил оружие на колени, пытаясь расслабиться и дать отдых мозгам, которые никак не могли одолеть очередную головоломку, что подбросил этот жуткий мир.

Земля дрожала под тяжелыми ударами, которые раздавались за стенами кузниц, но ни одно из зданий в округе не имело окон или дверей, только дымящиеся трубы возвышались над черными постройками.

— Что теперь? — спросил Ваанес. — Мы же заблудились, верно?

Уриэль лишь устало кивнул. Он был настолько вымотан, что не желал тратить силы даже на слова.

Ваанес спокойно перевесил болтер на другое плечо, как будто и не ожидал иной реакции. Он внимательно осмотрел из конца в конец узкую улочку с темными закопченными стенами и спросил:

— Это только мне так кажется, или тут действительно темнеет?

— Как тут может стать темнее, Ваанес? — резко спросил Уриэль. — Это чертово солнце никогда не садится, даже не двигается по небосводу. Объясни мне, пожалуйста, как тут может стемнеть?

— Не знаю, — выдохнул Ваанес. — Но это действительно так. Смотри!

Уриэль повернул голову и решил, что Ваанес прав. По стенам скользили желеобразные силуэты, поглощая свет и делая невидимыми те куски поверхностей, по которым проползли. Черные как сажа призраки перемещались по стенам и синхронно спускались на булыжник мостовой с обеих сторон улицы, будто загоняя отряд в ловушку.

— Черт, что тут происходит?! — воскликнул Уриэль.

А зловещие призраки начали срастаться в омерзительные зловонные лужи. Переливаясь, они медленно текли по булыжной мостовой и по стенам зданий, приближаясь к отряду со всех сторон. Странные пузыри, больше похожие на гнойные волдыри, вздувались и лопались на поверхности этой текучей субстанции, отвратительный смрад сопровождал приближение этих существ (или одного существа?) к отряду Уриэля. Отвратительнее лопающихся волдырей были только постоянно открывающиеся и исчезающие мириады глаз — осмысленных, живых человеческих глаз...

— Что это? — закричал Уриэль, глядя, как скользкая масса медленно течет к нему.

— Да какая разница! — вскричал Ваанес. — Уничтожить!

Несколько болтерных очередей вспороли медленно ворочающуюся биомассу. Они взорвали эти желеобразные тела, и раны этого невозможного существа ужасно засмердели.

Как только капитан вдохнул ядовитые испарения, он тут же упал на колени, не будучи в состоянии справиться с рвотными позывами. Даже организм Космодесантника, способный нейтрализовать практически все известные человечеству токсины, не смог быстро справиться с этой химической атакой.

Один за другим воины падали на землю, корчась и отплевываясь.

— Пазаниус! — крикнул Уриэль. — Пора пускать в ход огнемет.

Капитан не мог с уверенностью сказать, услышал ли его боевой брат, но секунду спустя сержант окатил неуклонно приближающуюся тварь пламенем из огнемета. Желеобразная плоть адского создания оказалась легковоспламенимой и мгновенно занялась ярчайшим белым пламенем. Пазаниус повернулся, чтобы выстрелить в тех тварей, что подбирались с другой стороны. Еще один заряд прометия достиг своей цели, и на теле вспыхнувшей как нефть твари раскрылись сотни вопящих ртов. Обезумевшие от боли глаза закрывались один за другим, но тут же на жидком теле возникали новые, чтобы быть пожранными огнем. Существо стало испаряться, но даже в клубах смрадного пара в капельках влаги опять блестели эти глаза.

Черные стены раскалились, жар в каменном мешке был невыносимым, но Космодесантники благодаря своим силовым доспехам могли легко переносить смертельные для любого живого существа температуры. Своими телами они, как могли, закрывали двух гвардейцев, но Уриэль понимал, что и Леонид, и Эллард находятся на грани жизни и смерти. Пламя постепенно гасло, и становилось понятно, что одним огнеметом тут не управиться.

— Почему они недохнут?! — со злобой выкрикнул Ваанес.

Он держал болтер наизготовку и больше всего на свете хотел открыть огонь. Но он снял палец со спускового крючка, поскольку уже понял, как мало проку от стрельбы. Космодесантники встали спина к спине таким образом, что могли обороняться от нападения и со стен, и с обоих концов улицы.

— Почему они не атакуют? — спросил Пазаниус. — Пока мы не поджарили их, было похоже, что они намерены расправиться с нами.

— Я не уверен, — ответил Уриэль. — Мне кажется, что они и не собирались убивать нас, возможно, они должны были сделать что-то другое.

— Что, например? — поинтересовался Ваанес.

— Может, им просто нужно задержать нас здесь, — сказал Уриэль.

Не успев закончить фразу, капитан заметил воина в черном силовом доспехе. Он шел к отряду прямо по обжигающим лужам пламени, как будто не замечая их, а желеобразные твари спешили убраться с его пути.

Длинные острые когти резко вылезли из серой кожи его рук, а в глазах зажегся бездушный серебряный свет.

— Вот я вас и нашел, — сказал воин.

Глава 12

— Вы выжили в портале безумия, — с легким удивлением проговорил воин, приближаясь к Космодесантникам.

Его силовой доспех был настолько черным, что, казалось, свет на нем просто умирал. Уриэль увидел, что воин безоружен, если не считать когтей. Но далеко не каждый боец осмелится приблизиться к отряду Космодесантников, отборных воинов Императора.

— Кто ты? — крикнул Уриэль.

Воин усмехнулся, и тусклый серебряный свет стал ярче, когда он заговорил:

— Вы не сможете ни воспринять, ни произнести мое имя в силу примитивности вашего устройства, так что будете называть меня Ониксом.

Космодесантники, как один, взяли Оникса на прицел. К этому моменту пламя практически погасло, и призрачные твари осмелели. Они так же медленно и спокойно поползли со всех сторон, сливаясь в один большой организм.

— Это твои создания? — спросил Уриэль, тоже поднимая болтер и направляя его на пришельца.

— Экзувии? Нет, это не более чем ожившие отходы Халан-Гола, отходы производства, в которые вселилась дурацкая жизнь. Они наводнили это место, но все-таки приносят кое-какую пользу городу.

— Тебе лучше пропустить нас, — резко сказал Уриэль.

Оникс покачал головой и ответил:

— Нет, мой хозяин приказал доставить вас к нему.

— Твой хозяин? — переспросил Уриэль. — Хонсю?

— Ты догадлив, — усмехнулся Оникс.

Уриэль прекрасно понимал, что просто так, не применив силы, они не смогут пройти мимо этого воина. Он не представлял, каким мог оказаться Оникс в рукопашной схватке, и у него не

было ни малейшего желания выяснять это. Капитан отдал приказ:

— Убейте его!

Рявкнули болтеры, но Оникс, подвижный как ртуть, легко увернулся от зарядов. Уриэль не увидел врага, а только почувствовал, как лязгнули по нагруднику когти и чудовищная сила швырнула его на стену.

Пазаниус попытался врезать ногой в челюсть Оникса, но тот снова легко увернулся, исчез, а потом появился, чтобы нанести сокрушительный удар локтем в лицо сержанту. Ваанес не успел ничего предпринять, когда черный воин в прыжке с разворотом ударил его так, что Космодесантника закрутило и он упал на землю. Кайама Шаэ выстрелил в Оникса в упор, но болт отрикошетил от черного доспеха, будто стреляли из детской хлопушки.

Тем временем черный воин одним ударом когтистой руки пробил силовой доспех одного из Космодесантников и выдернул... позвоночный столб. Космодесантник забился в конвульсиях у ног полудемона, заливая все вокруг своей кровью. Глаза его с ужасом и одновременно с детским удивлением обозревали собственный позвоночник, пока свет жизни не погас в них.

Желудок Уриэля свело от ужаса, когда окровавленный хребет был поглощен мерцающей чернотой силового доспеха Оникса. Космодесантники вновь открыли по нему огонь, серебряные глаза убийцы в мгновение ока запомнили всех, кто посмел поднять на него руку. Полудемон оттолкнулся от стены и совершил умопомрачительный прыжок, который стоил жизни нескольким Космодесантикам: в полете исчадие варпа несколько раз полоснуло когтями, и на мостовую упали еще пять обезглавленных тел.

Приземлившись, Оникс окровавленными когтями вытащил из каждого павшего позвоночник. Пять Космодесантников уже лежали на земле, а исчадие Хаоса не получило и царапины! Уриэль выпустил еще несколько болтов, но как бы внимательно он ни целился, Оникс легко и грациозно уходил с дороги смертоносных снарядов.

— Император, помилуй нас! Эта тварь слишком быстрая! — прокричал Ваанес.

Еще один Космодесантник пал, разорванный надвое, и Уриэль понял, что Оникса не сильно волнует дословное исполнение приказа хозяина. Воин в черном силовом доспехе направился к нему. Ультрамарин вскинул болтер, хотя уже понял, что мощи этого оружия недостаточно, чтобы поразить это совершенное создание. Первым делом полудемон приложил капитана затылком о стену, затем пригвоздил к поверхности, зажав его горло между двумя скрещенными наподобие ножниц когтями-лезвиями. Уриэль заворуженно смотрел, как бритвенно-острые края приближаются к его горлу и начинают впиваться в плоть.

— Если кто-то еще дернется, то ваш командир погибнет в ту же секунду. Даже быстрее, — с довольной усмешкой объявил Оникс, окатывая Уриэля серебряным светом нечеловеческих глаз.

В это время экзувии подтянулись поближе, их желеобразные тела начали приобретать более твердую структуру. Выжившие воины окружили Оникса и Уриэля, нацелив болтеры на полудемона.

— Я думал, хозяин приказал тебе доставить нас к нему, — задыхаясь, выговорил Уриэль.

— Совершенно верно, — кивнул Оникс. — Но он не уточнял, нужны ли вы ему живыми.

— Это не командир, — сказал Ваанес. — Так что можешь спокойно убить его и отправиться на тот свет вместе с ним.

— Возьму на себя смелость не согласиться с тобой. Я вижу, как горит его душа, наполненная стремлением к высокой цели.

— Ваанес, стреляй! — крикнул Уриэль и едва не ослеп от вспышек — болтеры заработали на полную мощь. Он чувствовал, как по лезвиям Оникса пробегает дрожь. Сквозь грохот выстрелов Уриэль расслышал смех полудемона и скрипнул зубами от боли, когда коготь вспорол кожу на шее и лязгнул о стену.

Внезапно Оникс убрал когти, и, освобожденный, Уриэль сполз по стене. В горле пульсировала боль, кровь выплескивалась толчками, и ее было так много, что рассчитывать на помощь клеток Ларрамана не приходилось — такая рана быстро не затянется. Уриэль попытался крикнуть, но услышал только хрип. Он понял, что Оникс перерезал ему трахею. Капитан перевел организм в режим восстановления. Зрение стало черно-белым, недостаток кислорода заставил сердце биться медленнее. Ультрамарин старался не терять сознания, понимая, что если это случится, то он уже никогда не откроет глаза. Он переключил дыхание на третье легкое. Постепенно кровотечение замедлилось, и геномодифицированная физиология взяла все-таки верх.

Оникс кружился и уворачивался от снарядов, а потом совершил очередной кульбит и приземлился за спинами Космодесантников. Его когти превратились в огромные золотые сабли, и еще три воина погибли в мгновение ока, разрубленные на мелкие кусочки этим смертоносным веером. По лицу демона пробежала рябь, черные витые рога выросли из его висков, а сверкающее серебром тело засияло так ярко, что стало просвечивать сквозь черный силовой доспех. Демоническая сущность обрела полный контроль над телом порождения Хаоса.

Глаза Оникса сверкали дьявольским огнем, и Уриэль понял, что сейчас начнется самая настоящая резня. Но до того, как эта дьявольская сущность смогла реализовать свои желания, тело воина вдруг содрогнулось, и Оникс опять обрел человеческий облик. Золотые сабли втянулись в его ладони с металлическим лязгом. Оникс глубоко вздохнул и упал на одно колено, но, прежде чем хоть один из Космодесантников успел воспользоваться его минутной слабостью, экзувии, подобравшись вплотную, поднялись подобно волне цунами и накатили на отряд. Уриэль попытался подняться, но твари схватили его, сковав по рукам и ногам, блокируя любое его движение. Лишенные век глаза вылупились на него, капитан слышал, как кричали

сопротивляющиеся Космодесантники, когда экзувии стискивали их в своих вонючих и крепких объятиях, но ничем не мог помочь.

Когда Оникс конвоировал пленников по закоулкам Халан-Гола, то казалось, что бредовая архитектура крепости своеобразно приветствует его. Непостижимый разум города, который раньше запутывал отряд, сбивая с пути, указывал теперь дорогу, открывая проходы и зажигая фонари. Экзувии катились волной по мощеным улицам, неся обездвиженных воинов в своих отвратительных объятиях.

Выжили только Уриэль, Ваанес, Серафис, Леонид, Эллард и еще девять Космодесантников. Но отважный капитан и в теперешнем своем незавидном положении ни на минуту не забывал о своей смертельной клятве.

Закопченные улицы скоро привели их к конечной цели — громадной железной башне. Уриэль не знал, обманывает ли его еще не вполне восстановившееся зрение или силы Хаоса специально создали такую иллюзию, но он онемел от удивления при виде колоссальной постройки. Ее вершина терялась в высоте за пурпурными облаками, и было невозможно определить, каков же ее диаметр. От стен башни отходили спиральные трубы, из которых валили столбы ядовитого дыма. Основание было окружено высокими стенами и крепостным валом с артиллерийскими точками, охраняемыми Железными Воинами.

Огромные железные ворота с высокими, хорошо укрепленными барбаканами с обеих сторон охраняли вход в башню. Оникс провел их сквозь жуткий портал, который выглядел словно пасть неведомого существа, распахнутая в предсмертном крике. Экзувии вкатились в черные ворота, пронося пленных воинов по коридору, где на них пахло обжигающим паром, вырывающимся из ловушек на крыше.

После того как они проникли за ворота, Уриэль стал осматривать окрестности, стараясь запомнить как можно больше. Оказалось, что башня вовсе не стояла на скале, как они полагали ранее, а была необъяснимым образом подвешена на мириадах толстых цепей над пустотой, в которой отражалось мертвое небо. Каждая цепная опора была толщиной с колонну, что поддерживала многокилометровую галерею перед Храмом Исправления, и некоторые представляли собой мосты. Что-то щелкнуло в сознании Уриэля, и он догадался, что башня уходит еще на тысячи метров вниз, в бездну, заполненную испарениями.

— Император, охрани нас, — произнес он хрипло.

— Зря сотрясаешь воздух, тебе и так его не хватает, — отозвался Оникс. — Или ты думаешь, что он всемогущ и здесь?

Уриэль не снизошел до ответа. Длинная базальтовая плита нависала над пустотой и вела прямо к огромным воротам, вырубленным в стене башни. Поверхность этого своеобразного моста была идеально отполирована несчетным количеством ног. Плита вела к арке, сделанной из какого-то дьявольского металла, шипящего, как будто его только что сняли с наковальни. Размеры переправы были таковы, что целый полк мог по ней промаршировать, не

перестраиваясь, и самый крупный из Титанов без опаски преодолел бы ее.

Наконец они вошли внутрь башни. Каждый глоток воздуха здесь был напоен доисторическим злом.

— Халан-Гол, — произнес Оникс с гордостью. — Величие и мощь живого бога помогли выковать эту крепость, подходящую для владыки. По его велению был выстроен этот город, вопреки всем законам природы.

— Это отвратительно! — выкрикнул Уриэль.

— Нет, — ответил полудемон. — В этом — будущее.

Внутреннее устройство башни было ничуть не менее устрашающим, чем внешний вид. Тут были и обширные пыльные залы, уставленные бронзовыми статуями, и огромные кузницы, где текли реки расплавленного металла. Палящий, удушающий жар наполнял башню, а черные капли конденсата падали с закопченных сводчатых потолков. Ни на секунду не умолкали далекие крики и тяжелые удары. Проползающие то тут, то там тени (возможно, это были экзувии) ютились в высоких аркадах. Чаше других обитателей башни попадались на пути существа, одетые в черные робы и шаркающие тяжелой, механической походкой. Их красные глаза с интересом разглядывали пленников, которых Оникс вел все дальше и дальше, и только экзувии предохраняли воинов от тянущихся к ним металлических конечностей. На робах существ красовались восьмиконечные символы Хаоса. Они отдавали приказания машинам, предназначение которых так и осталось для Уриэля загадкой.

Когда они миновали огромную несуразную конструкцию с насосами и поршнями, смонтированную из арматуры, из тени вдруг вышло шипящее чудовище и преградило им дорогу.

Оникс строго глянул на создание в черной робе, неуклюже шаркающее в облаке света, и Уриэль почувствовал раболепный страх, исходящий от существа. Чудовище тем временем приближалось, переставляя шесть сегментированных ног из клепаного железа. Его тело, заключенное в промасленный экзоскелет, сложно было назвать живым. Голова была несоразмерно большой и вряд ли удержалась бы на плечах, не поддерживай ее дополнительные приспособления. Из-под глубоко надвинутого капюшона было видно только нижнюю часть лица из блестящего металла и глаза — точнее, оптические линзы — на гибких металлических трубках-стебельках.

Тысячи прозрачных трубочек пронизывали плоть — видимо, по ним и поступала в этот странный организм субстанция, которая поддерживала жизнь в этом омерзительном создании. Тем временем чудовище приблизилось к Уриэлю, протягивая механические руки, снабженные скальпелями, дрелями и паяльниками.

Оникс подскочил к отвратительной твари, выпустил когти и жестко сказал:

— Нет, эти для хозяина Халан-Гола.

Тварь разочарованно зашипела, вскинув вверх конечности, и дрели оказались в угрожающей близости к голове Оникса. Чудовище попыталось оттолкнуть полудемона со своего пути, но воин в черном силовом доспехе явно не собирался уступать.

— Я же сказал — нет! — повторил он жестко. — Вполне вероятно, что чуть позже они попадут в руки Мортициев, но не на этот раз.

Существо пару секунд обдумывало услышанное и затем отступило обратно в тень.

Оникс проводил его пристальным взглядом, и, пока его внимание было отвлечено, Уриэль предпринял попытку освободиться из вязких объятий экзувий. Но это оказалось безнадежным делом, он не смог даже пошевелиться. Когда Оникс убедился, что Мортиций действительно убрался с дороги, то втянул когти и продолжил путь.

Надежда таяла с каждым темным залом, что они пересекали, и с каждым лестничным пролетом, что они преодолевали, не будучи в состоянии пошевелить даже пальцем. Чем дальше они продвигались вглубь башни, тем громче становился сводящий с ума ритмичный стук.

По сверкающему серебром мосту Космодесантники были переправлены через широкую расщелину, из которой поднимались горячие желто-зеленые испарения. За мостом вздымалась высокая стена из темного камня с зелеными прожилками, в которой наличествовали запертые железные ворота с шипованными створками, охраняемые двумя Титанами, чьи доспехи несли на себе следы давних войн. Уриэль с отвращением посмотрел на развевающиеся флаги Проклятого Легиона.

— Скоро вы увидите святая святых крепости Халан-Гол. Цените оказанную вам честь! — воскликнул Оникс, ступая первым на мост через бездну.

Когда они приблизились к воротам, те распахнулись с таким грохотом, что со злобно скалящихся горгулий, сидящих под крышей мрачного помещения, слетела пыль. Оникс провел пленников через портал, и наконец, Уриэль и его спутники оказались лицом к лицу с хозяином Халан-Гола.

Стены святая святых были облицованы черным камнем с золотистыми прожилками и мерцали от влаги, покрывавшей их. Арочные окна пропускали свет мертвого неба, который ложился на пол молочно-белыми полосами. На серебристо-белом троне восседал воин с иссеченным шрамами лицом и коротко подстриженными черными волосами. Он был одет в древний, изрядно помятый силовой доспех. По обеим сторонам от трона несли караул Железные Воины. На жестоком лице хозяина крепости сейчас отчетливо читалось любопытство; длинный свежий рубец тянулся через его висок. Позади трона стоял гигантский Железный Воин, с которым Уриэль уже встречался — тогда, в стычке у стен крепости.

— Избавься от экзувий, Оникс, — приказал сидящий на троне.

Оникс кивнул и повернулся лицом к чудовищам. По его лицу пробежали серебряные всполохи. Уриэль почувствовал, как существа, удерживающие его в плену, стали слабеть, медленно стекая на пол, — они опять стали жидкими и вонючими. Затем эти жалкие твари поспешили расползтись по темным углам.

Как только Ультрамарин почувствовал свободу, рука его потянулась к мечу, но тут же стволы более чем сорока болтеров оказались направлены прямо на него. Оружие было украшено восьмиконечными знаками Хаоса. Железные Воины быстро разоружили Космодесантников, чтобы полностью исключить опасность для человека, что сидел на троне.

Пока они занимались этим, коменданту принесли черный боевой топор, по которому Уриэль узнал своего противника на поле боя. Тогда капитан промахнулся всего на пару сантиметров...

— Мы уже встречались, — сказал вдруг воин, сидящий на троне.

— Ты Хонсю? — спросил Уриэль.

Железный Воин встал, подошел и со всего маху ударил капитана в висок. Уриэль упал на одно колено, едва затянувшаяся рана на шее открылась, и свежая кровь опять начала заливать доспех.

Хонсю кивнул:

— Ты знаешь меня, но я не имею представления о том, кто ты. Итак, как ты себя именуешь?

— Ты ничего не добьешься силой, — сказал Уриэль, поднимаясь и зажимая порез рукой.

— Это, кажется, довольно простой вопрос, — ответил Хонсю, проводя кончиками пальцев по рубцу на виске. — Я хотел бы знать имя человека, которому удалось пустить мне кровь.

— Хорошо. Меня зовут Уриэль Вентрис, а это мои воины.

Хонсю внимательно посмотрел на бойцов, стоящих за спиной капитана, и заметил:

— Ты прибил к странной компании, Уриэль Вентрис. Ведь это изменники, предатели и беглые рабы.

Уриэль не ответил, понимая, что Хонсю и его самого причисляет к предателям. С доспехов Ультрамарина были содраны все знаки отличия, и ничто не говорило о его принадлежности к

войскам Императора.

Он лихорадочно соображал, как бы использовать с выгодой для дела сложившуюся ситуацию, когда Хонсю спросил:

— А откуда ты знаешь, как меня зовут? Торамино сказал тебе?

— Кто?

— Не прикидывайся тут дурачком, — с угрозой произнес Хонсю. — Иначе тебе придется узнать, как быстро я теряю терпение. Ты прекрасно знаешь, кто такой Торамино.

Поскольку Уриэль не отвечал, Хонсю продолжил:

— Нет никакого смысла геройствовать, все равно я получу всю необходимую информацию. Мортиции выжмут ее из тебя в достаточно короткий срок. Поверь, тебе лучше самому рассказать все, что меня интересует, чем потом мучиться в когтях этих чудовищ. А результат будет один.

— Я узнал о тебе от Торамино, да, так оно и есть, — наконец произнес Уриэль.

Хонсю рассмеялся:

— Видишь, Закайо, Торамино пал так низко, что прибегает к помощи наемников. Как-то это не очень хорошо согласуется с его теорией чистоты крови, а?

— Да уж, — ответил Обакс Закайо, обходя трон Хонсю с правой стороны и поднимая Леонида и Элларда на механических лапах, что выдвинулись у него из-за спины. Гвардейцы пытались сопротивляться, но все было бесполезно. — Ну что, недолго довелось погулять на свободе?

— Оставь их, Закайо, они не достойны того, чтобы их кровь пролилась здесь. Отправь их работать в кузницы.

Обакс Закайо кивнул и выпустил двух гвардейцев, но по-прежнему остался стоять за их спинами.

— Для чего ты проник в мою крепость, Вентрис? — продолжил допрос Хонсю.

— Ты же сам сказал — мы наемники, — спокойно ответил Уриэль.

— Они прошли через порталы безумия и пытались подобраться к центральной башне, когда я

нашел их, — доложил Оникс. — Я считаю, что они не просто наемники, они — наемные убийцы.

— Это так, Вентрис? Вы наемные убийцы?

— Я всего лишь простой солдат.

— Нет, это не так, — заявил Хонсю, снова подходя к Уриэлю неторопливой уверенной походкой.
— Простой солдат не сможет провести свой отряд через порталы безумия и пробраться так далеко в Халан-Гол.

Взяв железной рукой Уриэля за подбородок, комендант крепости заставил Ультрамарина повернуть голову. Капитан смог хорошо рассмотреть чудовищную механизированную лапу, прикосновение которой вызвало приступ тошноты.

— Каким образом и для чего ты оказался на Медренгарде? — спросил Хонсю, глядя в глаза Уриэля.

Комендант и Ультрамарин долго смотрели друг другу в глаза — каждый ждал, когда второй отведет взгляд. Уриэль был представителем не только Императора, но и всего светлого в этом мире, а Хонсю был предателем. Один прожил какую-то жалкую сотню лет, а за плечами другого было несколько тысяч лет боев. Несмотря на то, что их разделяла пропасть времени и вражды, Уриэль почувствовал воинский дух в Хонсю и пожалел, что волею судьбы тот оказался его врагом, а не собратом по оружию.

Может быть, близость к Оку Ужаса отравила капитана, может, его чувствами играли злобные духи этого места, может, сам Хонсю каким-то образом влиял на него... Причина была не важна, гораздо удивительнее было другое — чем дольше Уриэль всматривался в глаза Железного Воина, тем больше убеждался, что между ними нет непреодолимой пропасти.

Ультрамарин видел в его глазах те же стремления, что жили и в его душе. Какая-то часть капитана даже восхищалась тем, как умело Хонсю ставил цели и как быстро добивался их.

Если бы не судьба, которая была предопределена обоим еще до рождения, то, кто знает, может быть, они стояли бы сейчас плечом к плечу. Ведь могло случиться и так, что Уриэль оказался бы среди Черных Крестоносцев, или Хонсю бился бы рядом с ним в передовом отряде Космодесантников на Тарсис Ультра.

Вдруг капитан уловил восхищение в глазах коменданта Халан-Гола и понял, что тот думал о том же самом.

— Мы на Медренгарде, чтобы сражаться, — просто ответил Уриэль.

— Как я и предполагал, — кивнул Хонсю. — Вы доблестно бились под моими стенами. И, как я

понимаю, это тебе и твоим воинам надо сказать спасибо за испорченный подъемник?

— Да, — горделиво сказал Ваанес, довольный произведенным эффектом. — Это я перерезал канаты.

— Из этого я могу сделать вывод, что вы не служите Бероссу, возможно, вы подчиняетесь только Торамино, — облегченно пробормотал Хонсю. — В любом случае, вы оказали мне неоценимую услугу. Без постоянного подкрепления Беросс не сумеет проломить оборону.

Хонсю обошел всех Космодесантников отряда, рассматривая в упор каждого из них. Он остановился рядом с Пазаниусом, взял его за серебряную руку и поднял ее к глазам, чтобы получше рассмотреть.

— Искусная работа, — похвалил комендант. — Твоя?

— Нет, — выдавил Пазаниус сквозь сжатые зубы. — Техножрецы на Павонисе постарались.

— Павонис? Я никогда не слышал об этом мире. Это мир Омниссии?

— Нет.

Хонсю вдруг широко улыбнулся и спросил:

— Ты ведь ненавидишь меня, не так ли?

Пазаниус повернулся и посмотрел на Хонсю в упор:

— Да, я тебя ненавижу! И не только тебя, а вообще всех этих ублюдков и прихвостней Хаоса.

Хонсю медленно обошел Пазаниуса, стер черную пыль и склизкие остатки экзувий с его силового доспеха и пристально осмотрел наплечники и нагрудные пластины. Потом вернулся к Уриэлю и осмотрел его силовой доспех так же внимательно.

— Я не вижу ни знаков отличия, ни эмблем, — сказал он. — Из какого вы Ордена?

— Какое значение это имеет здесь? — тихо сказал Уриэль.

— Мне нравится, как ты отвечаешь.

— И как же я отвечаю?

— Очень осторожно, — усмехнувшись, произнес Хонсю, — Сказать тебе, что я думаю по этому поводу?

— Если я скажу «нет», это что-нибудь изменит?

— Вряд ли. Твое слово тут мало что значит. Итак, я полагаю, что вы Ультрамарины. И мне страшно подумать, какое гнусное преступление числится за вами, чтобы вас закинули в Око Ужаса. Вы повернулись направо, когда все поворачивались налево во время праздничного марша на плацу? Забыли спросонья прочитать молитву одеялу с простынкой?

Уриэль чувствовал, как гнев вновь закипает в нем, но заставил себя не реагировать на недостойные насмешки.

— Да, мы Ультрамарины, но причины, по которым мы здесь оказались, совершенно не важны. Мы прибыли сюда, чтобы сражаться.

— А с кем сражаться, вам не важно?

Уриэль предполагал, что этот вопрос обязательно прозвучит, еще до того, как Хонсю его задал, поэтому быстро и хлестко ответил:

— Да не особенно.

— В таком случае, мнегодились бы такие воины, как вы, — сказал Хонсю, скрещивая руки на груди. — Я могу предложить вам гораздо больше, чем Торамино или Беросс. Вы присоединитесь ко мне?

Уриэль смотрел на Железного Воина, а в голове его калейдоскопом мелькали мысли. У них с Хонсю было много общего, это был настоящий воин, их взаимопониманию мешают только разные верования. Так ведь?

У Уриэля больше не было Ордена, который он мог бы назвать своим в полном смысле слова, так что, может быть, лучше найти такого вот умного и храброго командира, с которым можно вместе сражаться?

Но все то, на чем был воспитан Уриэль, принципы, каноны, догмы, постулаты — все, что делало его Космодесантником, — все восстало в нем. И когда он вновь посмотрел Хонсю в глаза, то в них можно было прочесть только один возможный ответ.